

1943-1944

Начало 1943 г.

Вова! Единственный мой друг. Тебя уже нет на свете. Всё, что я запишу в этой книге, обращено к тебе.

Где ты? Как прошло твоё прощанье с жизнью? Легко ли оно далось тебе? Какое страдание ты перенёс перед тем, как перестать быть живым существом, полным жизни, надежд, радости... Всё это осталось навсегда, на веки веков неизвестным. Тебя уже нет, Вова.

Какое-то непосредственное чувство подсказывает, что будто бы я в чём-то замещаю и заменяю тебя. Как будто так может быть, что не ты – мне, а я – тебе наследник. Я, почти пятидесятилетний, - тебе, едва только достигшему восемнадцати лет.

Вова. Деточка моя. Сынок мой.

От тебя так мало осталось. Несколько открыток, очень плохие фотографии, бедные твои тетрадки, альбом для марок и всё немного и приблизительное, что могут вспомнить твои отец и мать, – разные и далёкие друг от друга люди, не сумевшие сколотить порядочной жизни.

Каким было твоё детство? Может быть, оно подрублено в корне тем, что я не жил рядом с тобой. Может быть, далеко, далеко в прошлых твоих детских днях была заложена обида или просто недоумение, растерянность... Может быть, я виноват в том, что ты вырос слишком кротким, слишком безропотным, слишком благородным.

Скоро год, как тебя нет на земле. Я прожил эти 12 месяцев, стараясь мобилизовать горечь воспоминаний и горькую обиду, чтобы остался хоть какой-нибудь памятник твоего существования на земле.

Так же как в первый день, когда я узнал, что ты убит, так и сегодня у меня нет никакого серьёзного импульса на то, чтобы жить дальше. Правда, я не верю в возможность встречи с тобой... Но всё равно: не стоит, незачем, отвратительно и скучно прикидываться живым, если потерял сына.

Ко всему этому можно пристегнуть, пришить слова о мести, о славе, о победе, нужные миллионам других живых и умирающих. Но как безнадежно тускнеют они, эти благородные и святые слова, когда мы остаёмся с глазу на глаз, мы, то есть ты и я, - ты, мой несчастный, кроткий, растерянный мальчик, и я, твой растерянный до сей поры отец.

Во мне самом, внутри меня есть какая-то второсортная сила (так же, как и в тебе), которая не прочь использовать наше горькое прощание на пользу другим людям. Я без конца без зазрения совести прислушиваюсь к ней, как будто это утешение типа загробной жизни, как будто вообще что-нибудь можно исправить или переокрасить в другой, приемлемый для живого сознания цвет.

Не знаю, Вовочка, поймёшь ли ты меня в этом. Ведь мы так мало говорили друг с другом, так плохо знаем друг друга. Ты для меня загадка. Святая, смутная загадка. Всё в тебе только начиналось, только еле-еле брезжило. Всё.

Ты только-только проснулся. Раскрыл глаза. Увидел удивительно прекрасную жизнь: каких-то девушек, которые заглядывались на тебя, красоту весенней Москвы, возможность дружбы и близости с хорошими свободными людьми.

Всё в тебе было создано и окрепло для жизни, для счастья и для мира.

Война, серо-зелёная форма солдата, нары для сна и паёк для поддержания существования – это какое-то дикое исключение в твоей молодости.

Его оказалось чересчур много, этого исключения. Ничего, кроме исключения. Только оно. Всё остальное: вуз, девушки, ящик с красками, дача, велосипед, часы отдыха, так необходимого для молодости, чувство уюта в жизни, чувство своего угла, синяя даль перспективы, – всё это пошло насмарку. Только-только ты кончил десятилетку и вдруг на тебе! Всё известно заранее: надо ждать повестки из райвоенкомата, и этим всё определено. Незачем не то что практически думать, но даже незачем и мечтать о дальнейшем. А что такое это дальнейшее? – Приличный костюм, несколько новых рубашек, летняя обувь. За всем этим стояло чувство благополучия и жизни, так вот: ничего этого не надо. И ты отказывался от мыслей о всякой, какой бы то ни было оседлости, как будто нарочно, назло или, наоборот, в силу чересчур сознательной скромности чувствовал себя только гостем на земле.

Гостем. Таким ты остался в памяти. Как унижительно и страшно, если до конца почувствуешь смысл этого: Вова – гость!

Вова. Этот мальчик. Этот замечательный счастливчик. Это благородное и кроткое создание. Вова. Красавец. С удивительными бархатными глазами, молчаливый и застенчивый. С натренированными для работы мускулами, высокий, стройный, загоревший, с милой улыбкой, Вова.

И вот оказывается, что он только пришёл в гости, неизвестно откуда. Пришёл – и ушёл, видите ли, обратно, к себе домой, в полное одиночество, в землю. Какая тоска, какая тоска, какая абсолютная тоска.

6 июля 1943 г.

Сегодня исполнился ровно год, как тебя нет на земле. Официальное извещение гласит о том, что ты был убит 6/VII -42 года.¹ Твой товарищ, Вася Севрин, относит это дело к 7/VII. Как бы то ни было, год тому назад я ещё ждал от тебя писем, на что-то надеялся, и это продолжалось больше десяти дней. Потом всё кончилось: 18-го пришло первое письмо от Севрина. Потом более или менее точно установились обстоятельства: где, как, место погребения и так далее. Потом, потом... Что потом? Больше ничего не было. И не будет. Проживи я ещё хоть сто лет, жизнь оборвалась год тому назад.

Поскольку здесь может быть написано всё связанное с тобой, к этому надо прибавить, что поэма о тебе печатается в «Знамени» и отдельной книжкой. Люди её читают, и многие плачут. Кроме того, недавно увеличили в 2-х экземплярах твою ферганскую, последнюю фотографию, где ты в гимнастёрке. Бедная фотография! Она и

сама по себе ретуширована-переретуширована, а в увеличении получилась уже полная фантастика: и брови чужие, и нос каким-то белым пятном.

По этой фотографии видно, как ты уходишь всё дальше и дальше. Она похожа на память, а работа ретушёра – это воображение. Оно только и делает, что подменяет правду какими-то убогими потугами, марает и перерисовывает твой образ. Ещё, чего доброго, он превратится в «типичный образ молодого человека эпохи Отечественной войны»... или что-нибудь в этом роде. Даже я, твой отец, стал ретушёром, участвую в этой подлой подмене.

И нет никакой силы в мире, которая могла бы ей противостоять. Единственная – это ты сам, который в этом октябре станет уже двадцатилетним человеком. Ты, застенчивый, с глуховатым и нежным голосом, с большими руками, с длинной шеей и красивой, маленькой, черноволосой головой, внезапно выросший мой мальчик, любивший поспать и покушать, с удовольствием рывший землю на Истре, удивительно приспособленный ко всякому труду... И вот тебя-то, оказывается, и нет.

Ретушёр работает всюю.

Орловщина I

1943

29 августа.

Вчера, после длиннейших заездов друг за другом, выехали в американской машине додж из Москвы на фронт: Пастернак², Федин³, В. Иванов⁴, Симонов⁵ (с женой⁶), Серафимович⁷, Азарх,⁸ вдова Островского⁹ и я¹⁰. С нами Трегуб¹¹ и ещё один майор из его части, сын писателя Березовского, белобрысый, пошловатый. Вместо назначенных 5-ти часов утра выехали в 10 ч. Поэтому, несмотря на быстроту, в Тулу попали около 2 ч. дня, да ещё в Туле, попав в обком, застряли с обедом часов до 6-7-ми, ночью приехали в Чернь, на границу уже с Орловской областью. Рядом тургеневские места: Спасское, Лутовиново, Бежин луг, Красивая Меча. Город Чернь, говорят, был красив. Сейчас и развалин мало. Всё заросло бурьяном, лопухами, репейником. Немцы здесь были с октября по декабрь 1941 г.

Жена Симонова, знаменитая Валя, мила, благожелательна, действительно хорошенькая женщина. Симонов блаженствует, самоуверен, но, кажется, не теряет головы. Очень хорош, конечно, Пастернак: жадно вглядывается, вслушивается, артистичен, как всегда: немедленно перерабатывает всё, как художник. Поэтому его реакции не похожи ни на кого другого, и поэтому он так удивляет окружающих. Федин и Вс. Иванов чуть-чуть оба траченные молью, но, кажется, тоже очертя голову кинулись в эту поездку за определённой писательской корыстью. Совершенно возмутительна, пошла, развязна и режет своим стилем всю компанию дура Азарх. Впрочем, это не имеет особого значения: среди всех царит благодушный мир.

В Туле рассказ Жаворонкова, бывшего секретаря обкома, героя Тульской обороны. Сравнительно молодой человек, здоровяк, с широким, чистым и складным лицом, хороший лоб. Нос, глаза, рот – всё крупное. Впечатление чистоты, силы. Правдив. Рассказ поверхностный и общий, но интересный.

Сейчас должны двинуться на Орёл и дальше: на Карачёв и в действующие части. Так вот, глядишь, и попадём к взятию Брянска.

Трегуб давно уже соблазнял меня на это дело. Этот маленький румяный, как яблоко, деловой и неистово любящий поэзию человек давно уже мне симпатичен. Он же втянул меня когда-то в «Правду». Начал Лежнев, но у Лежнева мало что выходило, а Трегуб раз напечатал, другой раз напечатал – так и пошло.

Пишу это в бедном чистеньком помещении райкома Черни. Председательница райисполкома – чернявая женщина лет 40; пригородная мешчанская светскость. Пыталась рассказать о том, как лютовали немцы, но явно врёт: ничего сама не видела и не знает. Всё из газет. Тут же группа девушек, командированных из Тулы работать здесь. Секретарь райкома комсомола русая, скуластая, с нежным цветом кожи, широко шагает. Секретарь райкома молодой, невзрачный, всё молчит и никак себя не проявляет. Населенья почти нет. В Черни было 5000 жителей, сейчас – 600. В 10 ч. утра тронулись дальше. Грейдерное шоссе в отличном состоянии. Кое-где оно ещё ремонтируется, и мы объезжаем и глотаем дикую пыль.

Мценск – совершенно разрушенный, нежилой город, гораздо хуже Калуги, почти как Богородицк.

И вот Орёл. Взорванный вокзал, ж. д. пути, рельсы подорванные толлом в 3 местах. Над Окой висит взорванный мост. Переезжаем Оку по деревянной плотине. Бойцы поят лошадей. Женщины полощут бельё. Подымаемся вверх. Все каменные здания минированы немцами. Бóльшая их часть взорвалась. Смотреть на это нестерпимо. Тюрьма, около неё недавно производились раскопки расстрелянных и замученных немцами. Заезжаем к майору-командиру запасного полка, размещаемся в Орле. Чай и прочее. Наслаждение смыть пыль. Ночевали на сеновале в Черни.

30 августа.

Вчера поздно вечером приехали к месту назначения, в Песочню, на север от Карачёва. Карачёв – показательный образец разрушения – дикого, гнусного, нестерпимого. О том, какое оно, можно было судить по лицам и глазам всех, которые смотрели. В дороге пыль, пыль, пыль.

Вечером на генеральском приёме всё очень типично и скучно. Много водки, с места в карьер начинается фальшивая песня. Запевает генерал, вторит Серова, в общем, тёртый калач по этой части. Приехав, мылись на речке. Причём Пастернак и Симонов ухитрились даже выкупаться в ней. Утром баня.

Сейчас беседа с командованием насчёт книги. Пока что эта будущая книга представляет собой нечто глубоко туманное. Неужели мы будем её писать? Трудно себе представить.

С утра началась дислокация частей, очевидно, крупная. Дорогу после дождя развезло. Всё это перемещение мужчин разных возрастов и наций (русские, казахи, узбеки и т. д.) с винтовками, автоматами, противотанковыми ружьями, обозами, кухнями под морозящим дождиком, в грязи, молчаливое, покорное перемещение – это и есть, наверно, история.

К ночи и нас передислоцировали в другую деревню. Не знаю ещё, как она называется. Дорога разбита, в бревенчатых настилах. По бокам берёзовые кресты немецких могил. Около них ещё валяются обрывки немецких газет, стреляные патроны, консервные банки и пр. Разминирована только дорога. Вокруг опасно.

31 августа.

Вот и утро. Опять солнце. Вчера в вечерней сводке было объявлено о взятии Таганрога, и в Москве гремел ночной салют.

Спалось не ахти. Я имел глупость лечь на голой скамейке у самой двери, продрог в течение ночи как собака. Лень было плотнее притворить дверь, что проделал только на рассвете. Но и тут не согрелся и лег на солому на полу рядом с Трегубом.

Пока, надо сознаться, поездка наша не очень деловая. Видим интересные и значительные вещи, но на ходу и случайно. Наши хозяева распинаются изо всех сил: кормят роскошно, водка в изобилии. Трогательно извиняются за походную обстановку ночлега, хотя мы ведь за этим самым приехали.

Летали на У-2. Конечно, для абсолютного развлечения. Линии фронта (отстоим от него на 10-15 километров) даже не нюхали. Это исключается, как сказано было с самого начала командованием. Ну вот и покрутились в воздухе над прелестной зеленью, над лесочками, виражировали. Лётчики – ребятишки в возрасте Вовы, смотрели на нас сконфуженно, но с оттенком иронии. Сейчас, наконец, произошло совещание по плану книги. План ничего собой не представляет, но это неважно. План – трамплин, от которого нам надо возможно скорее отделаться, чтобы начинать своё дело.

Вокруг будни армии, точнее её верхушки. Правда, мы видим её не в работе, а в бездействии, которое в сущности нами и вызвано. Но тут же есть кухня, вестовые, множество девушек, не знаю в каких должностях. А главное – это вчерашнее перемещение. 10-летний мальчик смотрел, смотрел, как непрерывно в течение всего дня шли машины, пушки, кухни, обозы, бойцы и выпалил: «Ну и сила, ебёна мать!» Конечно, это ещё не всё, что можно сказать. Но это первое впечатление – такое же, как в знаменитом детском сочинении о море, которое приводит Чехов: «Море было большое».

Да, армия – это весь народ. Ведь здесь в местах, освобождённых от немцев, почти нет гражданского населения. Об этой трагедии когда-нибудь ещё напишу, сейчас о другом, об Армии. Она – всё, и всё – для неё. Пока представление складывается так:

миллионы людей лучших человеческих возрастов и главным образом мужчины, но немало и девушек, оторваны от производительного труда. 6 дней в неделю они главным образом бездельничают, но зато на 7-ой занимаются самой страшной работой, какую только мог выдумать человек. Этой работе приходится учиться. <...> Наша армия находится в непрерывном становлении, в поисках метода и формы. В ней всё неуравновешено, не закончено. Очень многое приходится на долю случая и импровизации. От этого, к несчастью, больше издержек, среди них и человеческих издержек несравнимо больше.

Полковник Владимирский – нач. оперативного отдела, представленный нам как «мозг армии», – высокий, черноволосый, с близко поставленными глазами и тонкой переносицей, немного тяжёлое, но приятное лицо, – сделал нам сегодня доклад обо всей Орловской операции¹². В докладе всё гладко, толково; его иллюстрирует до полной наглядности карта. Так ли оно было на самом деле? Это вечный толстовский вопрос.

Войну невозможно себе представить. Но я боюсь, что даже увидев бой, даже приняв в нём участие, описать его нельзя. Дело не только в субъективном, слишком мелком и ограниченном опыте, который не позволит охватить целое. И дело не в том, что ощущения потрясающей силы никогда не фиксируются сознанием. Дело в том, что война – вообще не человеческое дело. Пускай лучше будет сплошная фантастика, чем кропотливые попытки быть реалистичным. Так я говорю, не видя и не испытав сам. Но если бы увидел, это убеждение ещё укрепилось бы.

Ну, а для меня всё навсегда: и для войны, и для мира, и для работы, и для бездействия, – всё навсегда определено одним, только одним – гибелью Вовы. Это происходило где-то здесь рядом. Вчера вечером мы искали на полевой карте речку Ресету и деревню Сусею, но безуспешно. Трегуб обещал помочь.

1 сентября

Спали в чудной палатке. Вчера просмотр картины «Битва за Орёл». Ещё раз на экране места, мимо которых мы только что проехали. Сама битва изображена сильно, хотя и примитивными киносредствами (пальба, вспышки орудий, среди них и «катюши»). Лейтенант, свистком подымающий в атаку. Пленные, подняв руки, выходят из немецких окопов и т. д. Похороны героев Орла. Очень хорошо показано население и его радость в первые дни. В общем картина сделана с чувством меры и тактом.

Вечером опять длинейшее сидение за столом со всем Военным советом Армии. Всё как всегда. Чересчур расшалился и ошалел Пастернак, болтал всякую ерунду. Сначала на него смотрели с восторгом, потом чуть-чуть язвительно. Но это не беда.

2 сентября

Вчера во второй половине дня мы, наконец, разъехались по дивизиям. И вот мы с В. Ивановым вдвоём живём в лесу, в бревенчатом блиндажике, отлично пахнущем сырым деревом. Вечер перед сном изрядно фантастический: опять демонстрация орловского

фильма, перед тем – бригада башкирских артистов. Бедняжки пели, плясали, играли глупые скетчи. Аудитория встречала их благодушно и щедро аплодировала. Фильм в нескольких местах рвался, и тогда бойцы пели. Всё вместе было умирительно и фантастично. Два полковника – Кустов и Кокорин. Первый – знаменитый герой Орла, смуглый, с блестящими цыганскими глазами, лихой молодец, пока что отмалчивается. Особенно много ему говорить с нами и не придётся: не о чем. О себе он рассказать не сумеет. Второй, его зам. по политчасти Кокорин, – толстый дяденька с двумя подбородками, в пенсне, весьма словоохотлив. Наш брат, интеллигент. В своё время при Керженцеве работал на радио. Много болтает о литературе и писателях. Всех знает.

Молодые командиры – прелестные ребята, все разные, все прославленные орловцы, в орденах. Живые, одухотворённые лица. Как легко можно представить себе, что года через полтора-два таким стал бы Вовочка, бедный мой, маленький, наивный мальчик.

В течение дня, от 9-ти до 15-ти часов, командир дивизии полковник Кустов показывал нам великолепный спектакль. Сам же был его режиссёром и главным исполнителем. Всё это время он носился с нами на «Виллисе» по лесу и полям, из полка в полк, от батальона к батальону, корректировал практические занятия, врвался в кухни, распекал поваров, одного из них посадил на 5 суток под арест за то, что тот отрезал себе к обеду кусок коровьего сердца и проч. и проч. Деятельность страстная, толковая, хозяйская. Отличный глаз и бешеный темперамент. Последний акт – беседа с пополнением. Составлено оно из орловских жителей, попавших в армию после освобождения от немцев. Народ очень разный, есть изнурённые мальчишки 24-го и 25-го года рождения, есть дяденьки 40 лет. Их наспех обмундировали, кое-кто ещё остался в кепках, так как не хватило пилоток и касок. Народ, много испытавший и настрадавшийся, но и такой, что нужен за ним очень острый глаз и наблюдение. Несколько парней рассказали нам свои истории. Работали у немцев, кто – слесарем в МТС, кто – шофёром, кто – рыл противотанковые рвы. Старались работать хуже (по их словам), воровали бензин и всё, что можно, и на это жили. Семьи в Орле и в деревнях. Истории грустные, похожие одна на другую. Все одинаково пришиблены, но, по виду во всяком случае, довольны тем, что приняты в армию.

Но полковник великолепен! Это настоящий самородок, говорит так: «средствá», «вы лгёте», «тигрáми», но с широким чувством и размахом. Сходство с режиссёром поразительно, даже в мелочах: как втолковывает, как весело показывает сам. Показал пулемётчику, как окапываться, сам вырыл ему ровчик, как маскироваться. Всё это весело, с внезапными вспышками гнева, с лёгкими переходами от гнева к добродушию. Но между режиссёром и им такая же разница, какая между искусством и яростной жизнью войны. И если он такой в будничной, небоевой работе, как же он выглядит в бою!! Представить себе это невозможно.

Но здесь уже, конечно, совсем не так мирно и тихо, как было в штабе армии. На опушке леса рвутся мины. Один такой разрыв мы видели шагах в ста от себя: крепкий удар и столб чёрного дыма. Одна из башкирских артисток легко ранена и попала в санбат.

Похоже, что дивизия переводится в другое место, и нам предстоит ночной марш. Шесть дней, как мы уехали из Москвы, и с каждым днём втягиваясь в новизну обстановки, я не жалею о поездке. Она становится всё поучительней и интересней. Вс. Иванов – хороший товарищ и спутник. Он мне очень нравится.

3 сентября.

Во вчерашней бурной деятельности полковника был ещё один эпизод. Останавливаемся около полевой почты дивизии. Полковник вызывает начальника. Выходит рыхлый человечек с помятым, бритым лицом то ли клоуна, то ли приказчика из гастронома. Диалог:

– У вас девушки есть?

– Есть.

– Вы их насилуете? ...

– ?

– Да, да, я знаю точно. Берегитесь, попадёте под трибунал.

– Да что вы, товарищ полковник. Да я же...

– Доказательства у меня есть. И этого достаточно. Вы должны принять моё замечание!

На этом, примерно, разговор закончился, и почтальон остался стоять на дороге в незавидном одиночестве. Оказывается, он приставал к какой-то девушке, подчинённой ему, принуждал её к сожительству, угрожал чем-то. Та плакала и жаловалась.

Сегодня серенький денёк. Мы отлично спим и высыпаемся в нашем блиндажике. Марш дивизии отложен сегодня на вторую половину дня и на ночь.

Весь день дождь. У нас сидят лётчик связи Зорин, старший лейтенант, немного смахивает на молодого Тихонова, и совсем молоденький капитан из шифров<ального> отдела, 22 года. Он еврей из Ростова, зовут Медовой. Хороший мальчик с ярким честным лицом. Рассказывает о пленных: перебежчик-коммунист, двое фрицев, спасшие нашего раненого лейтенанта. Лётчик возится с часами из сгоревшего самолёта. Часы обуглились, металл ломается, как щепка, но механизм, чёрный, продырявленный, всё же цел, и маятник начал ходить. Ребята спасаются у нас от дождя, и здесь очень уютно. Был парикмахер, побрил и постриг нас. День глубоко мирный. В первый раз сегодня удалось за завтраком отмахнуться от обязательного стакана водки. Обилие этого продукта, благословенного в Москве, здесь угнетает. Но странно, что водка никак не действует. Всеволод страдает от мух. Из палатки рядом разносится раскатистый хохот нашего полковника. Сегодня мы ещё не видели его. Интересно, приедут ли навестить нас Трегуб или Березовский, как обещали?

4 сентября.

Семь дней, как выехали из Москвы.

День абсолютно пустой. Мы предоставлены сами себе, и делать нам нечего. Пытался спать, но сон не идёт. Хватаюсь то за дневник, то за книгу Сталина (подготовка ко вступлению в партию, так мы договорились с Резником), то просто за стихи. Последнее было бы желательнее всего, но увы! не вытанцовывается. По аналогии можно представить себе, что люди так же дохнут от скуки в обороне: отрезанные от общества себе подобных, от газеты, от книги, от женщины, от удобного жилья. Хотя насчёт последнего здесь просто очаровательно. В этой избушке, на этом матрасике можно прожить сколько угодно недель. Я тоскую, конечно, о Зое, о милом моём внучонке. Больше, пожалуй, ни о ком и ни о чём. Может быть, ещё о номере «Знамени» с поэмой, который, наверно, уже вышел. На одном из общих застольных бдений решился прочесть кусок из поэмы и, кажется, правильно сделал. Все были пьяны, но я так кричал на них и так был сам серьёзен, что прошиб общее настроение. Сегодняшние наши гости, лейтенант и капитан, читали поэму в «Смене». Капитан собирался её учить наизусть. Я рассказал им о Вове. Я понял теперь, что когда люди в ответ пытаются сочувственно вздохнуть или даже только кивают головой, – дескать, да, конечно, мы понимаем ваше горе, – то даже за это надо благодарить, а большего ждать не приходится.

Орловщина II

1943

4 сентября

Вчера ночью полковник, перебазирова дивизию, уехал на виллисе и взял с собой Всеволода. Я остался здесь до утра в ожидании машины, которая должна была прийти в 5 часов. Сейчас уже 9, машины нет как нет. Моим соседом стал лётчик, старший лейтенант Зорин. Он перетащил приёмник, и мы с раннего утра слушаем музыку.

Нас тут осталось, очевидно, человек пять: автоматчик, парикмахер, Вера – денщик полковника, да мы двое. Смешная компания! В брянском лесу, в 8 километрах от переднего края. К тому же, кажется, есть нечего. Пока всё это очень мило и даже интересно, и я радуюсь всякому нехитрому приключению.

К 11 часам пришла полуторка, грузимся, разорили нашу избу. Вера откопала банку консервов, хлеб и ничтожное количество портвейна. Солнце светит ярко. Нам предстоит 40 километров на север, не пойму только, вдоль фронта или в сторону.

... Мы со старшим лейтенантом сели было не на свою машину, а в трофейную, только что выпущенную из ремонта. Но это оказался надорванный трудной фронтовой жизнью битюг. Он пыхтел, тархтел и очень быстро застрял в глубокой колее. Пришлось пересест в полуторатонку. Проехали совершенно разрушенную Жиздру: голое место, огороды и изгороди, заросшие лопухом и бурьяном, да груды пепла и битого кирпича, – больше ничего. А здесь мы в лесу. Сидим пока что с Всеволодом в лесу, ждём, что будет дальше.

5 сентября.

Прелестная походная жизнь без больших событий, но с таким общим колоритом, что не жалко ни одного часа, потраченного на неё. Вчера почти весь остаток дня пробродили с Всеволодом в этом мощном лесу, немного продрогли к вечеру. Я нахально присвоил себе меховую жилетку старшего лейтенанта. Вечером с полковником Кокориным с нетерпением ждали ночной сводки. И вот необыкновенное событие, озадачившее, наверно, и Москву и весь Союз: сводка (действительно, замечательная, особенно относительно Донбасса) была повторена 11 раз в сопровождении концерта до 12 ч. Вчера же – занятный рассказ нач. разведки дивизии, капитана Чернышова. Биография советского человека: танкист в Гвадалахаре, помощник главного инженера на Трёхгорке в Москве, танкист Финской войны, доброволец Отечественной, партизан в брянских лесах и, наконец, лихой, уже опытный разведчик Орловской битвы. Рассказ сопровождается припевом: «Так вы же скажете, что я хвастаю, лучше уж помолчу». И он отделяется чем-то вроде официального доклада по начальству.

Спим в домике, специально для нас построенном, еле согрелись. С утра жжём костёр, утром пришёл к Всеволоду старший лейтенант узбек Умаров. Вытягиваем из него рассказ о его жизни и подвигах.

Лес, лес, лес. Девятый день путешествия. Явились герои, вызванные специально для «общения» с нами. Первый – Аждаров, знаменитый сейчас знаменосец полка, герой 12 июля, забросавший гранатами невероятное количество немцев. Он азербайджанец из Баку, хлебопекарь, просидевший некоторое число лет в кутузке за то, что, выпивши с приятелями, сжёг какое-то число кило хлеба. Милое сконфуженное лицо, орден Боевого Красного Знамени. Второй – Образцов, тоже бесхитростный мужичок из Ржева, зав. раймага. Этот человечек первый водрузил красное знамя над городом Орлом. Тоже имел в своё время 5 лет за «фулюганство». Рассказал свою одиссею очень мило и связно. Всё – записано почти дословно.

И вот опять блаженная середина дня. Мы уже успели разок выспаться. Всеволод спит, у него болит голова. Немножко о нём. Все предварительные впечатления опрокинуты. Хороший, милый мужичок. Неплохого мнения о себе. Наверно, хитёр как-то по-своему. Но «по-своему» – это значит писательски. Человек выдвинулся, поднялся и вырос из недр великого народа, поэтому самое основное и драгоценное в нём органично и умно. Ему около 50 лет, стало быть ни стар, ни молод. Любит свою семью: красавицу жену, дочку, сына, говорящего чуть ли не на 13 языках Ближнего Востока. Как-то вечером я начал ему говорить о Вове (мне приходится выбирать минуту, чтобы хоть как-нибудь воскресить имя моего мальчика в чужом сознании), он ответил мне чем-то, по мере сил, сердечным, коротким и неопределённым и начал говорить о своём сыне, о том, как трудно тот, большой с детства, дался ему и о том, как он понимает меня.

Деревня Сусея недалеко отсюда. Полковник Кокорин обещал мне транспорт и плотника, чтобы съездить к какой-то проблематической, несуществующей могиле младшего лейтенанта В. П. Антокольского.

Где ты, мой голубчик? Где ты, совесть, смысл и цель моей жизни, Вовочка? Неужели я могу – по совести могу – жить без тебя? Неужели это не стыдно? Вовочка, я могу и должен жить без тебя. Это было решено в тот самый день, когда я узнал о твоей гибели. Жизнь, которая мне оставлена, бедна, отравлена, гола. Но я хочу дожить её с честью, чтобы ничем не осрамить твоего покоя. Всё было бы гораздо проще, если бы ты в своём дневнике писал это про меня. А если мы с тобой поменялись местом, то это временно, потому что нам обоим надо быть рядом, в земле, на веки веков. Жизнь совсем не так хороша, как мы думали.

6 сентября.

Вчера во второй половине дня начался артобстрел расположенного очень близко аэродрома. Снаряды рвались по соседству с нами в районе леса и большой дороги. Это довольно сильное для первого раза переживание: далёкий звук, свист летящего снаряда и, наконец, - бах! Дело продолжалось до ночи, но и ночью нам не давали спать. Наша дивизия опять перебазируется, полковник уехал вчера ночью, а мы с Всеволодом, парикмахер, автоматчик и шофёр сейчас двинемся на полуторатонке, мне уже известной.

Собачий холод. Спим не раздеваясь, не снимая даже сапог. И озябнув, я стал часто мочиться, как было зимой. Очевидно, завтра будем возвращаться в армию. Итак, сегодня десятый день.

С 11 ч. утра мы уже на новом месте. Разрушенная ещё в 41 г. немцами деревня, заросшая бурьяном. Только что мылись с полковником в полуразвалившейся бане, а сейчас обустроиваемся на жильё в придорожной балке. Здесь уже имеется досчатый блиндажик в виде халупы.

Оказывается, мы уже в другой армии. Таким образом, наша связь со штабом 3-ей армии стала весьма проблематичной и затруднительной. В этом пока ничего плохого нет, но вот как мы будем добираться домой!!! К тому же дивизия двигается ещё дальше на север. Мы уже в Смоленской области. Близко Людиново. Мне не хватает искусства в описании. Всё вокруг так характерно, а описания выходят бледными. Вот юный старшина Ланцов с медалью «За отвагу» шумно моется, трёт лицо мылом, другой подошёл к нему сзади и щекочет шею листиком. Ланцов отмахивается, как от мухи.

Красивый адъютант полковника, исполнительный старший лейтенант, готовит ему штабную карту нового района. Тут же шофёр Бондаренко с милым бритым лицом молодого клоуна, донбассовец. Его город третьего дня был освобождён, а он, следя по сводкам, за 2 дня до освобождения успел послать несколько писем домой. Вот Вера, военнотруженица, боец, находится на услужении у комдива, из Лебедяни Рязанской области, совершеннейшая трусиха, вчера во время артиллерийского налёта совсем потеряла голову, бегала под деревья. Глупое деревенское существо, девчонка 22 лет; какая нелёгкая занесла её сюда, почти на передний край? Все относятся к ней с добродушным юмором. Парикмахер Миньков, еврей из Брянска, храбрец с философическим оттенком.

И опять, опять тишина, почти невероятная здесь. Мимо проходит множество офицеров – рослый, деловой, воспитанный народ. Ланцов свернулся клубком, спит у дороги. Где-то дальше храпит автоматчик Здоровенко, тот самый, что ехал с нами, хороший сибирский мужик. Каждого из них я готов хвалить и найти в нём милое и особенное. Это свойство фронта. Здесь каждый человек оборачивается лучшей своей стороной. Но в основном это относится всё-таки к народу. Потому что начальство, как всюду и всегда, при ближайшем знакомстве оказывается либо пошловатым, либо скучным в обязательной своей интеллигентности, либо шумно-хвастливым и т. д. Есть ещё средний слой в армии – рабочий исполнительный аппарат командования – капитаны, майоры, различного рода военспецы, инженеры, техники, юристы и т. д. Эти – интереснее всего. Это и есть поколение Отечественной войны.

7 сентября.

Наша дивизия готовится к серьёзным делам. Сегодня мы уже в 3-ёх километрах от фронта, в пустой, но не разорённой деревне. Ехали лесом, через ночную переправу, ночью спали в халупе, натопив её по мере сил, перед тем сидели у полковника перед русской печкой, ждали 11-часовой сводки, она опять оказалась замечательной: Макеевка и многие другие в Донбассе, и сверх того Конотоп, т. е. дорога на Киев. Наш полковник здорово устал, но готовится к прорыву и бою. Пока ехали, над нами пролетело крупное соединение наших бомбардировщиков, кто-то насчитал 50 машин, и через 2 минуты начались разрывы бомб в западной стороне. Изредка бьёт наша артиллерия, наступление готовится.

Армия в движении, в марше - это, пожалуй, самое значительное из всего, что мы могли здесь увидеть. А мы в течение недели были свидетелями переходов по 30-40 километров в день вдоль фронта. На этом лучше всего можно если не узнать, то почувствовать сложное и могучее хозяйство войны.

И вот здесь уже другая природа, нежели в Орловской области, прежде всего меньше израненная войной. Немцы здесь были в 41-42 гг. и не пользовались ещё усовершенствованными методами разрушения, либо их неожиданно выбили. Деревня цела, население уведено нами в тыл, и это очень умная мера.

Всеволод вчера говорил по телефону со штабом армии. Как будто, завтра за нами придёт машина оттуда и мы опять все соединимся друг с другом и тут на выбор предстоят два варианта: пожить ещё в армии и начать там писать, либо просто вернуться в Москву. Есть ещё третий вариант: поехать ещё в какую-нибудь дивизию и запастись материалом. Я думаю, что умнее всего пожить в армии примерно до 14-15-го. Тогда план будет выполнен точно.

К нам привязался старший лейтенант Зорин, авиатор, как его здесь называют. Это безобидное и словоохотливое существо с совершенно детским лицом, довольно красивым, но глуповатым. Он держится особняком и в то же время прилепляется ко всякой

компании. В прошлом актёр-любитель. В своё время руководитель сказал ему: «У вас нет огонька», и юноша безболезненно отстал от искусства.

... После сравнительно беспокойных и утомительных дней, у нас двоих сегодня тишь да гладь. Мы одни весь день, валяемся под стогом, сначала грелись под солнцем, а теперь к вечеру прохлаждаемся. Я пытался начать стихи, но они идут вяло, скучно и надуманно. Вечная история. В течение всего дня на запад летят наши штурмовики и бомбардировщики. Они обрабатывают передний край немецкой обороны под Людиновым. Очевидно, завтра вступит в дело артиллерия.

8 сентября.

Дни у самого переднего края оказались для нас самыми мирными днями. Вчерашний закончился длинной беседой с капитаном Печёрским, лихим героем 12 июля и Орловской битвы. Очень интересно, сжато, выпукло всё рассказал. Тоже интересная судьба! Он из Днепропетровска, плановик из Пищетреста, коммунист, по партийной линии был эвакуирован, долго искал семью, наконец нашёл её, был призван и попал в армию политруком, в 42 г. очень отличился на Калининском фронте. Сейчас, после Орла – заместитель командира первого полка.

Сегодня была беседа с прокурором. Заворот жизни ещё круче. В прошлом актёр-любитель (в Калининне; знал Ляуданских), потом директор заводского клуба, директор городского театра, никогда не помышлял ни об армии, ни об юриспруденции. Театральных людей вообще очень много. Сейчас нас было четверо, и все в прошлом имели отношение к театру: этот прокурор, лётчик Зорин, Вс. Иванов (тоже начинавший актёром и циркачом) и я. У нашего полковника огорчение: боевое дело, к которому он так приготовился, отложено.

9 сентября

Вчера во второй половине дня за нами приехал Трегуб, с ним фотограф. Он снял всех наших героев и знакомцев, и вечером, трогательно попрощавшись с полковником Кустовым, мы отбыли к месту будущей стоянки штаба армии – всего в 3-х километрах от дивизии. В течение дня все соберутся здесь. Вот ещё одна целая, неразорённая деревня. Ночью на западе стояло зарево: немцы предвидят свой уход и жгут всё. Немыслимо представить себе количество и глубину страданий, которые выносит сейчас этот маленький клочок земли, за Людиновым и Дятьковым. Вчера по радио было объявлено о том, что Донбасс полностью освобождён. Сегодня, только я проснулся и вышел на крыльцо, дневальный говорит, что капитулировала Италия. Спали на сене, в пустой хате. Из этого сена изредка выскакивали крохотные лягушата.

Вот мы и в штабе армии, опять на орловской земле (не там, где ночевали, а значительно восточнее). По дороге проезжали огромное поле танковой битвы. Картина вечная и страшная. Разорванные и сожжённые танки – наши, английские и немецкие;

ржавые стаканы противотанковых снарядов, человеческие останки: череп, поросший волосами, сожжённое туловище, ноги в грубых ботинках и истлевших обмотках.

Штаб армии стоит в лесу. Опять мы все встретились. Федин и Пастернак, очевидно, так же полны восторгом и материалом, как и мы. Островская и Серафимович уехали сегодня в Москву. Товарищи в большинстве тоже тянутся домой с той мотивировкой, что пора садиться за стол и писать о виденном. Смешна и глупа Азарх и отвратителен Березовский, ещё более ухудшенная копия папаши. И опять золотой, почти жаркий осенний день. Это даже не лес, а молодая желтеющая роща. И всё так полно спокойствия и мира, и так хочется бедному мальчику моему встать из земли и хоть денёк провести рядом с живыми, так рвётся он к теплу и свету, и всё дальше и глубже уходит от меня. Мне здесь несколько раз снилось, что я в каком-то другом, втором сне кричу и плачу о нём. А у него даже этого нет.

У Дани¹³, работавшего здесь, в армейской газете, незадолго до нашего приезда произошла какая-то дурацкая, но к сожалению типичная история. Он не сошёлся характером с редактором, был отозван на фронт и получил назначение в дивизионную газету. Это обидно: Даня умный и очень незащищённый человек, а в этих условиях особенно: очкастый интеллигент со склонностью к зауми и копанию в себе. Ему, наверно, очень горько живётся в армии; к тому же он не знатный, без имени, маленький литературный критик. Кто его тут может знать и оценить? Ибо здесь, как и всюду, в абсолютном ходу чиновничество, так что количество и качество знаков отличия на груди определяют даже то, как с тобою здороваются. И я себе представляю, как приходится прошибать лбом стену, как надо спорить с равнодушной и холуйской рутинной, в особенности на такой двусмысленной, мало регламентированной должности, как должность писателя в армии. Сюда надо принести биографию и послужной список. Здесь ничего не заработаешь.

Кажется, Людиново уже взято нами. Немцы уходят и уходят. Предполагался прорыв обороны. Вместо того – преследование отступающих. Итак, мир полон потрясающих событий, обрывки которых нам вырисовываются. Капитуляция Италии и освобождение Донбасса, и притом в один день – это чего-нибудь да стоит. Война уже покатила к своему финалу. Страшным он будет для Германии, и чем страшнее, тем лучше.

10 сентября.

Две недели как мы выехали из Москвы, и поездка уже явно исчерпана. Пора, пора домой. Нам предстоит ещё проблематическая пока поездка в Людиново и мне лично предстоит поездка в Сусею искать могилу Вовы. За вчерашний день ничего не произошло, продрогли дико, глядя на «Леди Гамильтон». Мне суждена эта картина в поездках – в прошлый раз в Горьком.

11 сентября.

Со вчерашнего дня мы в Людинове. Конечно, это самое сильное, да и единственное по-настоящему стоящее из всего, что довелось увидеть за всю поездку: город, из которого только что ушли немцы, полный их запаха, их надписей, с их кладбищем и моргом. Только-только возвращается население, прятавшееся в лесу. Большинство угнано немцами. Написал статью для «Комсомольской правды». Там подробности, а повторяться не хочется. Речь идёт о том, что как будто сегодня возвращаемся в Москву. Что будет с моей поездкой в Сусею, на могилу Вовы?

12 сентября.

Сегодня мы едем в Москву; после многих споров и прочего решили ехать напрямик через Калугу. Вова и на этот раз, как и всегда, уйдёт без прощания, не обласканный, или, если сказать правдивее, я уйду от него без прощенья. Он был и остался призраком. Может быть, его и не было. Какая тоска, какая тоска, какая тоска.

Вчерашний день был совершенно пустой и ничтожный. Утром писали корреспонденции из Людинова в центральные газеты. Они должны быть переданы по телеграфу, но я предполагаю, что нам придётся самим вручать их в Москве. После этого писания начался обед, после которого потребовался сон, после которого начался ужин, а уж после ужина сон оказался и вовсе необходимым, так как была уже поздняя ночь.

В Москву.

Едем, едем – и всё никак не можем выбраться.хлопоты о бензине, о пайке. Всё, что делалось как по маслу в первые дни, сейчас требует чьих-то усилий, чьих-то особых рекомендаций, чьей-то доброй воли. Вот что значит по платью (Симонова или Серафимовича) встречают и по уму (всех остальных) провожают. Да, поездка выдохлась. Смогу ли что-нибудь написать после неё? Не знаю, чем, каким прожекторным лучом осветить и обобщить всё это, виденное в первый раз в жизни. А если и удастся обобщить, то пригодно ли это для книги?

В. Иванов, видимо, решает просто и будет валять без дураков какое-нибудь полубеллетристическое чтиво из записанного. В книге это наверняка найдёт себе место. К. Федин чем-то мучается, раздумывает, но и он, наверно, выйдет из положения. Пастернак напишет фрагменты. Это может быть и очень хорошо, но вряд ли каким-нибудь углом войдёт в книгу... А я? – к сожалению, сейчас думаю о работе без всякого пафоса, и это самое плохое начало, какое только можно себе представить. На этом дневник путешествия можно считать законченным. Тем более, что и тетрадка моя кончается. Ставлю точку.

Украина I

1943

6 октября.

Сегодня, наконец, после долгих сборов и откладываний, что продолжалось дней шесть, мы четверо - Микола Бажан¹⁴, Яновский¹⁵, Копыленко¹⁶ и я - сели в Дуглас и вылетели с Московского аэропорта. И с 12-ти часов мы в Харькове. Сравнительно с Орлом и городами Орловщины, здесь всё-таки благополучно. Цела окраина. Зато центр уничтожен многими бомбёжками и подорван немцами. Народу поразительно мало. Бóльшая часть – явно приезжие, вернувшиеся на работу. Золотая осень, тепло, совершенно синее яркое небо.

Живём пока в хате у Миколы. Это три опрятных и милых комнатёнки. В шкапах книги: Брокгауз, сборники «Знание», всего понемножку, пианино без клавиатуры, репродукция «Войны» Штука, – словом, мирная и тихая провинция. Хозяйка прожила два года под немцами, осталась жива, беспокоилась, жив ли сын, авиаинженер, а он за это время получил сталинскую премию в Москве.

Памятник Шевченко цел, пробиты в нескольких местах пулями фигуры на пьедестале, но, может быть, это их украшает. Редактор газеты «Радянской Украины» Чеканюк коротко рассказал, что делается на Украине. На Полтавщине неслыханные разрушения и зверства немцев по отношению ко всему гражданскому населению: всех поголовно гонят на правый берег Днепра и уничтожают. Детей рубят пополам. Бои идут на правом берегу Днепра, под Киевом.

7 октября

Вчера во второй половине дня у нас была тревога: самолёт, вылетевший за день до нас, вёз Рыльского, <...> и Смолича. Но в течение всего вчерашнего дня их ещё не было здесь. Самолёт – дугласёнок. Предположения могли быть все, в том числе и самые плохие. Вчера же поздно вечером они явились: из-за встречного ветра самолёт не дотянул с горючим, сел в Орле и еле добрался вчера до Харькова. Сегодня весь день бродили с Яновским по городу.

Базар. Всё есть и всё бешено дорого. Белый хлеб – 330 р. Курица – 450 р. Масса жалкой галантереи, часть из неё немецкая: пудра, бритвенные лезвия, шпильки, всё это в яркой упаковке и самого низкого качества. Презервативы, вазелин от кожного пота, игральные карты, сахарин, разрозненные тома Достоевского – словом самая несусветная дичь в самых странных сочетаниях.

Богатейшая страна неистребима. Из этих мёртвых и чёрных развалин уже готова пробиться жизнь. Уже бегут с воплем за каждой машиной босоногие ребята, уже гуляют с

бойцами девушки. И всё полно кричащих противоречий: жизнь и благополучие отлично уживаются рядом со смертью.

В зоологическом саду сытые медведи, у белых морда и лапы в крови; обезьяны гнусно похабничают, павлин гуляет с выводком. И всё это под золотым листопадом, который завтра тоже пойдёт в перегной.

Город огромен и пуст. Развалины колоссальных машин, вроде Госпрома, это зрелище очень страшное. Таких развалин достаточно много. Но и целёхоньких домов, и при том совсем не плохих, тоже немало. И с каждым днём прибывают и прибывают люди, работники, секретари обкомов и райкомов, бабё, машинистки, шушера, бюрократы, прожектёры, общественники. О чём-то спорят и галдят, всем требуется питание и кров. На вокзале ремонтируется депо, через 2 дня уже будут ходить пассажирские поезда до Полтавы. Сравниваются с землёй немецкие кладбища, стираются немецкие надписи, но вот население... что это за люди?!. В парке на скамейке сидят молодые женщины, около них коляски с младенцами, которым от роду не больше 2-3 месяцев. Кто же делал этих детей? Скорее всего фрицы.

Народ, который продаёт, покупает, торгуется, толчётся на базаре – это очень занятная публика. Наряжена она дрянно, в лохмотьях, но за пазухой у неё большие тыщи. Продавцы необыкновенно бойки. Чем-то вся эта картина напоминает Львов. Страшно подумать, но кровь лилась и льётся и будет ещё не раз литься за свободу этой собачьей торговли на базаре, а также и за то, чтобы стереть её с лица земли, потому что всё-таки за ней, за этой невинной с виду и якобы глубоко человеческой деятельностью стоит всё самое грязное и низкопробное в человеческой природе.

Завтра рано утром мы, т. е. Бажан, Яновский, Копыленко и я, едем дальше – на запад, в штаб фронта, к Н. С. Хрущёву¹⁷. Это под самым Киевом. Стало быть, проедем Полтаву, Лубны. На Украине ярче и нагляднее смысл этой войны. Здесь можно почувствовать, чего хотели немцы и что у них сорвалось. Здесь ясно выражен драматизм истории, её роковые рычаги и пружины.

8 октября

Сейчас уже 12 ч. дня, а мы ещё крутимся в Харькове – получаем паёк, ждём, брились, стриглись и, сверх того, проспали. Подтверждается правило Симонова: военкор назначает отъезд в 6 ч. утра, а выезжает не раньше 10-ти. Это сопровождало всю Брянскую эпопею, повторяется и тут. Дорога продлится не менее 2 суток. Два виллиса нагружены мешками и продуктами, горючего на 500 километров.

9 октября

За вчерашний день мы проехали Богодухов, Ахтырку и Зиньков – около 180 километров. В Богодухове, в выселках, которые называются «Спецівка», захватили ещё одного путешественника, художника Дерезуза¹⁸, совсем молодого парнишку на первый

взгляд, который оказался 40-летним, заслуженным деятелем искусств. Здесь, под Зиньковым, Микола нашёл в селе своего родного дядю по отцовской линии, и ещё одного дядю, и тёток, и двоюродных братьев – тихая деревенская родня, наивные, как дети, старики. О немцах рассказывают длинно, путанно, с эпическим спокойствием и юмором. Такой же покой и в тех местах рассказа, когда кто-нибудь убит, погорел, взорван бомбой. Вечером сидели за столом, в чистой хате: яичница с картошкой, свинина, литр водки. Старик-дядя чистосердечно старался опьянеть, даже начал петь: «Никого горше немає...» И он и хозяйка словоохотливы. Живут без газет, без радио, в 40 километрах от железной дороги. Впрочем, теперь железная дорога и не в счёт, её и нет пока. Но они уже слышали, что и Киев взят ещё 29-го прошлого месяца, и Белая Церковь, и Гомель.

И вот рассвет. Нам предстоит двинуться дальше.

Но сравнительно с Орловщиной Украина целёхонька. Нет следов боя. Изредка попадаются рваные и сгоревшие танки, изредка холмики могил, но земля жива и родит, и готова родить и родить без конца. Меньше, несравнимо меньше бурьяна и совсем нет сводной сестры его, колючей проволоки.

Центр Богодухова начисто разрушен бомбёжкой, последовавшей немедленно после того, как немцы его оставили. Ахтырка разрушена меньше. Самое грустное – это безлюдье. Больше всего населены дороги: люди подвигаются домой, средство транспорта – корова. Мужчин совсем нет.

По рассказам людей трудно понять, много ли народа угоняют с собой немцы и вообще как это происходит. Наши хозяева говорят, что молоденькие парнишки шли в полицию, чтобы избежать угона в Германию. Теперь их «тягнут» по всяким допросам, а ребята мало в чём или совсем не провинились.

Путешествие на виллисе совсем не комфортабельная штука. Дорога неплохая, но потрясло здорово. Особенно страдают ягодицы. Им следовало бы быть как у павиана в мозолях. Человеческий день, особенно в дороге, особенно летом 1943 г. может растянуться в бесконечность. Сегодня это доказано нам как 2х2. Мы уже за Пирятиным, в 120 километрах от Киева. Мы проехали Сорочинцы, Миргород, Лубны, Пирятин, т. е. сердце Украины. В Сорочинцах церковь, где был крещён Гоголь. Около неё старая груша, на которой немцы вешали партизан. По церкви били снарядами, но она стоит крепенькая, плотная.

В Миргороде была ставка Гитлера, где, говорят, жил он и Муссолини. Это здание, управление курорта, сожжено. Лубны страшно уничтожены. Картина вроде орловской. Сейчас мы в селе, сожжённом немцами. Здесь Яновский нашёл свою мать и сестру. Обе женщины босые, в лохмотьях с кучей ребят, живут около сожжённой школы (сестра была здесь учительницей). Живут в страшном помещении, которое условно называется хатой. Там земляной пол, дырявая крыша и ни окон, ни дверей. В этой развалине живут три семьи, все учительские. Ночуем с Сельраде. Здесь только что было заседание, на котором очень толково, спокойно и благородно выступил Бажан, после чего началось деловое обсуждение трудного положения, в котором находятся 2 колхоза после ухода немцев;

надо убирать, скирдовать, обмолачивать хлеб; нет лошадей, нет упряжи, нет рабочих рук. Тем не менее, умные, много испытавшие, честные люди-бригадиры с большим рвением и полным пониманием своей ответственности выступали один за другим, ручались в том, что всё будет сделано, как надо. Но центр дня – встреча Яновского с родными, слёзы несчастных женщин – и всё это среди дикого разрушения, на такой огромной и пустой земле. Когда люди в условиях этой войны находят друг друга – это настоящее чудо. Когда-нибудь никто не поверит в возможность подобного. Между тем, мы в течение полутора суток были свидетелями трёх! Микола и его дядя, сегодня Яновский и отдельно от нас путешествовавший Шуйский.

У сестры Яновского мы угостились чудным мутным самогоном, сидели за доской, поваленной на какие-то брёвнышки. Детишки трёх семей смотрели на нас дикими, любопытными глазами.

У КПЦ, около Пирятина встретили Коротченко, второго секретаря ЦК ВКП(б) Украины. Они едут с фронта в Харьков. Спросили, как дела с Киевом. Ответ был такой: интересные дела. Боимся, что не доедем до Харькова, придётся двигаться обратно.

10 октября

Проснулись в седьмом часу утра здесь в Сельраде после обильного храпа на сене. Бреемся и приводим себя в порядок. Наша хозяйка, милая пятнадцатилетняя девчонка Галя, бегает, старается прислужить. Когда-то 2 года назад, до немцев, она учила в школе произведения радянских письменников, и сейчас сконфуженно признаётся, что всё забыла.

На дворе чертовски холодно. Мы решили дождаться, пока солнце пригреет, и тогда тронуться в дорогу. Спор о том, пить ли с утра самогон, который предлагают нам. Председатель сельрады рассказывает о женщине, которая помогала полициям, направляла людей в Германию. Военная часть арестовала её, продержала два дня и выпустила ни с чем. Вообще на армию жалуются. Какой-то лейтенант гулял,пил самогон у колхозницы и кончил тем, что увёл корову у соседа, так соблазнила его эта солоха.

Вечер. Мы добрались до места назначения ещё в 3-ем часу. Это в 18 километрах от Бриваров, село Гоголево. Здесь находится Киевский обком, т. е. не военная власть, а гражданская. Длинный разговор со вторым секретарём обкома Сердюком. Он в обличе генерал-майора, но уже глубоко штатский человек. Когда будет взят Киев, что с Киевом? На это ответ не очень ясный и не очень ободрительный пока. Немцы здорово защищаются. Говорят, что из города выгнано всё население – признак того, что немцы хотят разрушить город. Подобное же известие облетело всю английскую прессу. Село полно киевлянами. Минуты до такой степени исторические, что пожалуй за всю войну я не видел большего, разве только эвакуация Москвы в октябре 1941 г. По неустройству, по участию больших масс неприкаянного народа, это похоже. Но разница в том, что здесь впереди возврат великого города, вместе с ним всей родины, жажда деятельности, и

недостаток рабочих рук, и полная уверенность в том, что при всех условиях, как бы тяжелы они ни были с первого взгляда, дело должно пойти и пойдёт на лад.

Путешествие пока потрясающее. Об этом можно было и не говорить – само собою понятно. За всеми словами, за всеми ощущениями, мыслями и разговорами нашими между собою и с другими один вопрос, одна таинственная всё-таки загадка: что такое в своих преступлениях немцы? Чего они хотят, чем ослеплены, оставляя после себя повсеместно такую чёрную память? Ведь ничего не может быть прощено или забыто. Немцы наделали много страшного. Рассказы об этом разнообразны, но за большинством рассказов стоит недоумение: почему убили того-то, зачем разрушили или сожгли город, хату и т. д. Полная бессмысленность, даже яростью она не объяснима, ибо дело происходило в будничной обстановке армейского, солдатского тупого равнодушия и скуки. Ходила поговорка: «Немцам – гут, жидам капут, цыганам тоже, украинцам – позже». Если немцы угоняют сейчас всё население поголовно, то это явно для поголовного уничтожения, ибо им всё равно не справиться с этими десяти- и сотысячными толпами голодных, оборванных, обезумевших от ужаса женщин, детей и стариков.

Конечно, некоторое подобие логики зверя есть в этой системе поголовного уничтожения врага: убивая ребёнка, они убивают того, кто явится когда-нибудь мстителем; убивая женщину, убивают возможность рождения такого мстителя. Но какой глупостью продиктована эта система! Всё равно из их дела ничего не выйдет. Коротко говоря, население, какое мы здесь встречаем, это те, кому удалось спрятаться.

11 октября

Сейчас нас подкинули на машине к Броварам, километров за 18-20 отсюда. Разрушения однообразны и безобразны: зола, развалины, торчащие трубы, груды битого кирпича... совсем как на Орловщине. Тут же закопаны наши дальнбойные батареи, разрываются в стороне от дороги немецкие снаряды, валяются убитые лошади. И тут же по дороге бредут с котомками и узелками женщины. Куда, откуда, где их пристанище? С горба шоссе в синей солнечной дымке виден Киев, колокольня Лавры. Виден Киев! Когда в сводке читаешь о том, что взяты Бровары, кажется, что завтра же должно последовать взятие Киева. И вот на тебе! Это задача с двумя или четырьмя неизвестными, и в штабах ломают себе голову умные и опытные солдаты, соображая, как его взять, великий город, символ всей нашей тысячевековой истории.

Совсем близко от нашего дома висит с утра с доской на груди «изменник, предатель родины». Человек с чёрной аккуратно стриженной бородой, уже землисто-бледный. Ветер раскачивает и вертит его. Картина гораздо более будничная, чем можно себе представить. И солнце не меркнет, и люди не отворачиваются. Как раз в этом ужас, а не в так называемом ужасном.

Всего 5 дней, как я вылетел из Москвы, а сколько с тех пор прошло перед глазами, даже не верится. Даже Харьков отступил на задний план по сравнению с этой потрясающей дорогой.

Заходил к нам Брантман из «Правды». Леонид¹⁹ здесь рядом, в 6 километрах. Там же Эренбург, Гроссман, ещё множество писателей и журналистов – всего 40 человек.

12 октября

Вчера вечером Микола вернулся и предупредил нас, что подъём в 4 часа, мы едем на наблюдательный пункт, начинается серьёзное, дескать, дело – что-то вроде штурма Киева. Мы вскочили ни свет, ни заря, но поездка оказалась отложена, и серьёзное дело тоже. Стало быть, опять спим до 10-ти утра.

Утром явился Леонид Первомайский; покурили, поболтали. Я присел на перильца нашего крыльца, Леонид примостился тоже. Они оказались ветхими, и я рухнул на землю с высоты примерно двух метров, стукнулся спиной и затылком, но по странной игре природы даже не ушибся. Сели в машину, думали добраться до Чернигова (около 140 километров отсюда), но добрались только до Козельца. Прелестный собор Растрелли, сильно повреждённый бомбёжкой. Около собора неожиданная встреча с Иваном Ле. Смешные его рассказы, между прочим о проживающей в Старобельске сестре Николая Второго Ксении Александровне – старушке 80 лет. В 27 году явилась в Союз искать сына, тот оказался в Японии. Ей предложили поселиться в Старобельске. Разговаривает с немецким акцентом, характерно и смешно.

В общем здесь тоскливо и бестолково. В нашем пребывании здесь нет большого смысла. Но подождём! Сегодня утром моя первая корреспонденция пошла через Харьков в Москву, в «Комсомольскую правду». Попробую писать ещё.

Повешенный ещё висит. Он стал меньше, сохся и дикое таинство человеческого уничтожения продолжается.

13 октября

Весь день провёл у Леонида в соседнем селе Красиловка, где живут все журналисты. У Леонида в хате трое: он, Быковский и Полторацкий. Последний видел меня когда-то в Москве, не то в клубе у нас, не то в «Новом мире» и считал очень злым и неприятным субъектом, так что, читая сейчас поэму, удивлялся, откуда такое у меня.

Выпили вчетвером 4 литра разливного вина, за которое заплатили 400 рубликов. Удовольствие маленькое. Потом легли. Леонид стал читать стихи, но я позорно и невежливо уснул. Впрочем, он не обиделся. Через несколько дней он едет в Москву, и я ему почти завидую. Мы в положении старинном и символическом: сидим и ждём у моря погоды. Мои товарищи играют вечерами в карты, я лишён этого развлечения, поэтому скучаю ещё больше.

Ночью мне снился Вовочка – прощался, жалел, что я куда-то уезжаю, просил остаться.

14 октября

Говорят, наше наступление должно было начаться 5-го. Вместо этого началось 11-го. За это был жуткий нагоняй. Наступление, очевидно, идёт. Немцы очень серьёзно контратакуют. В одном из участков они бросили чуть не 800 танков в атаку. Хрущёв непрерывно на фронте, ночует где-то в скирде в поле. Тяжёлое, великое до символа дело может протянуться ещё не один день, не одну неделю.

Не могу понять, почему на этот раз я так беспокоюсь о Зое, так тоскую без неё и без всего, что оставил в Москве. Может быть, потому что неопределён срок возвращения и уж очень по нынешним временам сложен путь назад. Оказывается, вчера была совсем неплохая сводка: бои на улицах Мелитополя, бои под Запорожьем, успех на правом берегу Днепра и под Гомелем. Это значит, что дело ещё не остановлено.

Очень хороша осень. Она, может быть, ещё лучше, чем в прошлом году. Уже порядком холодно, по утрам заморозки, трава в инее часов до 9-ти. Но абсолютно сухо, небо синее в лёгких облаках. Свежо, ветрено. Такая осень может незаметно перейти в зимний мороз, без дождей и распутицы.

Трудность наступления в связи с нашими коммуникациями сказывается и здесь, правда в мелочах, но чувствительных. Например, нет подвоза соли. Машинный транспорт перегружен гораздо более важными вещами. Нет водки. Вчера немцы сбрасывали с самолётов ракеты где-то в районе Красиловки, где место жительства Леонида, но не бомбили.

Журналисты злословят между собой о ближних, в частности о Фронтмане. Он побывал на Центральном фронте и уже неделю или больше тому назад отправил в «Известия» статью о взятии Гомеля. Так, на заготовках работают многие. Полевой послал статью о Полтаве, даже не побывав в городе, а Леонид, в ужасе от виденного, сразу не был в силах приняться за описание, и вот халтурщик его опередил. Конечно, и газеты и журналисты должны быть оперативны прежде всего, но всё-таки добросовестность дороже всех других качеств. Кажется, я правильно сделал, что связался с «Комсомолкой»: газета свободнее внутренне и просторнее внешне.

Мои друзья заняты делом. Художник рисует портрет Хмельницкого для завтрашнего митинга в Переяславле. Копыленко пишет декларацию. Бажан и Яновский всё время не перестают заниматься тем же. Один я вне этого, как русский писатель. Несколько раз просил Бажана использовать меня. Он обещал, но, очевидно, это им ни к чему.

Пытаюсь уже несколько дней сообразить какие-то стихи. <...>

15 октября

Людам, живущим вместе, приходят в голову одновременно одни и те же мысли. Вчера все заговорили о возвращении, если не в Москву, то в Харьков, а наш художник уже садится сегодня на попутный грузовик и возвращается в Харьков. Конечно, это результат не совсем расчётливого нетерпения. Если уедем, то окончательно рискуем опоздать к взятию Киева. Сегодня взято Запорожье. Здесь у нас как будто без больших перемен.

В Орловске каждый день были встречи, новые места. Здесь же совсем пустой день, настолько пустой, что я стал раскладывать пасьянс: благополучно ли в Москве (пасьянс вышел), да скоро ли выедем отсюда (пасьянс не вышел). Я разложил второй – выедем ли через неделю, опять не вышел.

Идёт дождь. Наш виллис стоит во дворе, мокрый как курица, с натянутым брезентом, который защищает только сверху, а не с боков. Вытянет он из любой грязи, но и вымокнешь в нём, как ни в какой другой машине.

В поезд, где была редакция Жени Долматовского²⁰ – прямое попадание бомбы. Вагон разбит. Поэт Кондратенко очень серьёзно ранен. Двое из редакции убиты на месте. Женька, по счастью, где-то в командировке.

Все мои друзья разбрелись кто куда. Я один. Сейчас 6 часов вечера. Куда девать время? И главное – эта тоска и беспокойство по дому. Представляю себе, как шалют военные, как разрушает их духовно эта тоска на протяжении недель, месяцев, года... Тоска безнадежная, потому что она рифмуется с одним только недостижимым словом «отпуска».

16 октября

У Хрущёва, в соседнем селе Требухово. Усталые, кроткие, маленькие глазки. Пожалуй, постарел. О взятии Киева говорит уверенно и твёрдо, как о деле недалёкого будущего.

«Надо раскатать немецкую оборону, на это потребно кое-какое время. С правого берега нас уже не выбьют. Правда, пока мал плацдарм и невозможен маневр на нём, наступление очень затруднено, но мало-помалу мы двигаемся, и Киев будет взят. Конечно, немцы Киев подорвут...»

«Киев придётся кормить. Надо организовать по Десне, Днепру и Припяти овощную базу для голодного города, позаботиться об этом уже сейчас, собрать специалистов и энтузиастов (подчёркивает) с Украины, которые сейчас рассеяны по Союзу».

Сегодня едем в Чернигов. Таким образом, мы сдвинулись с мёртвой точки. Леонид поехал в Москву. Я успел ему дать только маленькую записку Зое.

Двинулись, как предполагалось, три машины на Чернигов: наш виллис, эмка тов. Гапочки и приданный нам легковой додж. Проехали километров 40, и виллис приказал долго жить, у него перегорели подшипники. Шофёр Миколы, Миша Шпилер, одессит, служивший раньше в НКВД, должен был бы раньше стать действующим лицом этих

записок. Он – типичный гаврик, привык к лёгкой жизни блатного водителя. Он, конечно, виноват во всём сам.

Словом, мы опять здесь, в Гоголеве. Сидим до зари, часов в 8 тронемся, а виллис останется на ремонт. Второй раз возвращаемся с полдороги на Чернигов.

17 октября

Ну вот, уже полдевятого, а наш маршрут и судьба этого дня опять висят в воздухе. Ни Хрущёв, ни Гапочка в Чернигов не едут. Нам предоставлено самим решать, что делать, но у нас одна машина додж, который берёт 5 человек, а нас шестеро.

Кстати, пользуюсь случаем, чтобы запоздалым образом ввести их сюда. Бажан, Яновский, Копыленко – три украинских писателя. Бажан известен. Яновский мил, хитёр (если не коварен), весьма уязвим по части всяких лишений. Копыленко хороший, глупый малый, с которым я даже подружился неожиданно. Это – писательская группа (вкуче со мной, единственным представителем великой русской литературы). Затем двое: Шуйский – в прошлом работник ЦК Украины, зав. отделом печати, сейчас директор издательства, молчаливый, несколько озлобленный, однотонный, кажется честный, но недалёкий. Второй – очаровательное смешное существо, работник Совнаркома Украины по сельхоз. делам. Зовут его Олекий Филиппович Коневский, в очках. Человеку 40 лет, выглядит на 28-30. Наивный, вежливый и дельный. Самый чистый и человечный во всей компании.

С 2 ч. дня в Чернигове. Надо быть великим художником и очень настоящим человеком, чтобы суметь описать этот несчастный, уничтоженный город, и мелкий осенний дождь над нами, и соборы, разрушенные бомбами, и советскую власть, которая здесь восстанавливается в основном из партизанских кадров, и то, как мы пили спирт с ними, и домик Коцюбинского, и Десну, и даль за нею, и людей, которых мы увидели сегодня: партизан, дравшихся в самой трудной обстановке, какая только может выпасть на долю человека, и гнусную газетку «Черниговский курьер», издававшуюся во время немецкой оккупации, и всё остальное, что вне слов и вне определений. В городе развалины. На железном балконе одной из них висит немец в белых трусах, с головой, свёрнутой на бок, повешенный вчера или третьего дня. Это один из тех, которые свирепствовали в Чернигове. Города нет. Населения в нём тоже нет. А то, что здесь было, даёт о себе знать парками, заросшими бурьяном, развалинами, церквями и милым русским простором над рекой. Какие обрывы, какая нежность и какая грусть.

Партизаны – крепкие, некрасивые ребята в орденах – пели за столом множество песен, среди них радивскую «Серед поля озерочко». Они жалуются и обижаются на то, что ещё никто не написал о них. К тому же вот уже 25 дней город советский, а они до сей поры не получают газет.

Здесь очень тяжело: ни газет, ни радио. Район разрушен страшно. Немцы свирепствовали в течение всего времени, пока были здесь. Вешали, расстреливали, угоняли на запад. Что же она такое, эта война? Ей нет имени, нет возможности её понять и определить размеры бедствия.

18 октября

Вчерашний день был очень богат и писать о нём можно без конца. С нами всё время секретарь обкома Кузнецов, генерал-майор в орденах. Он был и на Волхове, и под Сталинградом. Красивый, немного легкомысленный мужчина. Он похохатывает, широко гостеприимен. Рассказывает о погибшем командире артиллерийского отряда Покутренко.

В одном из районов работала детская подпольная организация – отряд имени Чапаева, мальчишки 8-14 лет. Всего несколько человек. Они ловко вредили немцам, портили телеграфную связь, выпускали листовки. В другом молодёжном отряде был поэт 22-х лет Подгорный. Листовки делали от руки и размножали фотоаппаратом: стихотворный лозунг на фоне родного города Любеча. И стихи неплохие. В одном из них призыв брать немцев и панов за яйца.

Партизаны жили в своём собственном лесном городе с пекарней, печатней; сами коптили колбасу; брали, что хотели и сколько влезет. Дрались главным образом с мадьярами, но и немцам влетело.

Сейчас едем назад. Мост через Десну взорван в нескольких местах, здесь объезд. Сейчас стоим, ждём – впереди грузовик разгружает битый щебень для дороги. Проходят на север пятитонки с понтонными лодками. Эти нависающие громадины напоминают скалу Медного Всадника.

В 2 ч. дня вернулись в Гоголево. 139 километров за 3 часа. Из них последние 20 километров – за 45 минут. Теперь проблема – возвращение в Харьков. Наш виллис в ремонте, ему ставят новый мотор. Когда будет готов, очевидно, тронем.

19 октября

Пятнадцатый день, как из Москвы. Виллис уже с мотором, небо немного прояснилось, дождика нет, дороги как будто просыхают, а на нашем тихом фронте, увы, без перемен. Микола и Яновский вчера, немедленно по прибытии из Чернигова, уехали с Гапочкой к Хрущёву, дома не ночевали. Мы сидим, ждём их и ждём решения относительно отъезда. Всё уже видно-перевидено, записано-перезаписано. Разорённое село. На перекрёстках дрогнут регулировщицы. Пятитонки с бойцами в худых шинелях вязнут в непролазной чёрной грязи. Поломанные, побитые огороды с гниющими огурцами и тыквами, без изгородей, без тынов. Киевский народ всё прибывает. В нашей лампе иссяк керосин, и вчера вечером мы глупо валандались в темноте, так и легли спать часов в десять. Словом, пора, пора, окончательно пора в обратный путь.

20 октября.

Вчера поздно вечером нас предупредили от имени Миколы, что сегодня утром предстоит поездка в «интересное место» – чтобы ждали. Ждём.

Вчера же вечером появился интересный тип – Д. М. Касарик, «украинский следопыт», как его называют здесь. Знаток и энтузиаст украинской культуры. Человек только что обошёл весь Днепр по этому берегу, от Кременчуга до Киева, разговаривал с народом. Цель – понять, как народ жил в течение 2-х лет. Читал множество украинских писем из Германии, узнал о множестве зверств. Добыл где-то дневник сестры Гоголя. Ему отдала его внучка; маленький альбом в коже, с золотым обрезом. Даты рождений, свадеб и смертей. Летопись русско-украинской помещичьей семьи.

Вернулись наши. Как будто поездка в «интересное место» предстоит завтра. Это Вышгород, только что занятый нами. Сегодня хорошая сводка, которая приближает Киев. Таким образом ещё остаёмся здесь. Может быть, и дождёмся.

22 октября

20-го во второй половине дня нас всё-таки вызвали. От Требухова из штаба фронта двинулись машины гуськом километров 60 на юг, к переправе через Днепр. У Днепра были уже, когда стемнело. На катере переправились на правый берег. В темноте, в абсолютной тишине. Это была очень торжественная минута, украинцы скинули шапки. Было очень волнительно. Переночевали в хате у Хрущёва. И рано утром, тоже ещё в темноте двинулись на командный пункт фронта, в длинную узкую траншею с блиндажами, прорытую на высоком пологом холме. Отсюда был виден горизонт километров на 15-20. Ровно в половине 8-го начался «концерт». На узком куске земли сосредоточено такое количество разного артиллерийского оружия, какого не было и под Белгородом. Были пушки всех калибров, эрэсы (т. е. «катюши»), миномёты. Через час 10 мин. появились бомбардировщики. Передний край немецкой обороны обрабатывался в течение двух с половиной часов. Всё время непрерывно шли танки, и мы видели их примерно в полутора километрах от себя, на горбе другого холма, по дороге, которую немцы уже начали обстреливать из шестиствольных миномётов. Там всё время подымались столбы белого и чёрного дыма. Несколько танков загорелось. Но они шли и шли. Около тысячи танков прошло. Направо, километрах в трёх, село Ходорово уже взятое нами. Немцы обстреливали и его, но напрасно, ибо там как раз не было никакого сосредоточенья сил. Уже к 10 ч. стало известно, что село Ромашки взято. Таким образом, наступление углубилось на 5 километров. К нам долетели ужасающие разрывы наших бомб. «Концерт» нельзя сравнить ни с какими звуками мира. Это – космос. Впереди всё было в плотной пелене дыма. Между тем, здесь, на КП, шла напряжённая, очень драматичная жизнь. Командующий фронтом, генерал армии Москаленко, молодой, сухощавый, черноватый явно волновался. Его явно раздражала работа танков. Он невооружённым глазом усмотрел, что они скапливаются и топчутся на месте в районе мясокомбината – километров за 18 от нас. Наши глаза видели только две белые полосы слившихся в тумане хатёнок или сараев (даже в бинокль). Он видел остальное. Танки действительно медлили там. Полетело приказание расстрелять экипаж головного танка и во что бы то ни стало добиться прорыва. Время шло. Демоническое хозяйство войны

разворачивалось перед глазами с неслыханной ясностью. Уже окопалась где-то впереди, совсем близко, пехота. Провозили на конной тяге (шесть лошадей) пушки. Всё это на очень широких просторах. Утренний мороз кончился, солнце грело, сушило траву. Самолёты серебрились и утопали в совершенно синем, не по-осеннему ярком небе. Тут же, среди нас, был кинооператор Кричевский. Он истратил больше трёхсот метров плёнки. Привели первого пленного – сухощавый малый 23 лет, унтер, у него множество наград и отличий: железный крест, значок за Крымскую кампанию и т. д. Подвижное, нервное лицо с большим ртом, который всё время судорожно открывался и скалился. В его роте было всего 25 человек. Все потеряли самообладание во время канонады и разбежались. Он остался один, решив сдаться в плен. Член союза гитлеровской молодёжи. Всё время повторял: «Я показываю честно». На какое-то время его оставили вдвоём с часовым. Он уселся на песчаный бугор, тихо покачивал головой. Часовой обратился к нему: «Жинка». Немец: «Ни, матка». Кто-то дал ему папиросу. Он курил её долго, с наслаждением. Потом его отправили в тыл, и долго было видно, как они трусят по дороге. Ещё провели группу пленных. Над нами появились «Хейнкели». Бомбы свои они сбросили в Днепр, оттуда выросли серебряные фонтаны. Кроме того, бомбили Ходорово, опять же ни к чему, т. к. наше сосредоточение шло совсем по-другому. Генералы ругались между собой, особенно доставалось авиационным (среди них, между прочим, был Каманин). Кричевский разрывался на части, спеша снять всё, и действительно у него были исключительные возможности. Среди авиационных генералов – два милейших толстяка – Красовский и грузин Нинашвили. Второй уже мечтал о банкете в Киеве, в «Континентале».

Записываю всё, как всплывает в памяти, но многое ускользает. Рухнул, как огненный факел, один из наших самолётов. Лётчик спасся на парашюте на песчаную косу Днепра, на нашей территории. К нему подбежали два бойца и повели его. Он цел.

В течение нескольких часов мы были свидетелями всех видов современной войны, всей её напряжённой, страшной красоты. Кто-то из генералов сказал, что утренняя канонада стоила столько, что этими деньгами можно в течение месяца кормить 2 области. На каждый метр врага должно было лечь по 22 снаряда. И тем не менее, немцы огрызались – непрерывно били их миномёты. Совсем близко от нашей траншеи разорвался тяжёлый снаряд.

Артиллерия – действительно «бог войны», действительно на неё возлагаются самые основательные, основные надежды. Вчера же, поздно вечером, мы вернулись. Конечно, ради одного этого дня стоило приехать. Уже когда мы отъехали километров на 15 от Днепра, немцы бомбили нашу переправу. Там поднялись столбы дыма, один из них стройный, как пирамидальный тополь, долго стоял в воздухе. Это горел какой-то бензин.

Сегодня, 22-го, Вовочке исполняется 20 лет. Исполнилось бы. Для меня он остался восемнадцатилетним. Милый, единственный, вечно живой, навеки несчастный, одинокий мальчик, моё солнце, моя юность, радость моей души.

23 октября

Нас швыряет от одного к другому, от напряжённых событий к полнейшему безделью и скуке. Сегодня – второе. Но над всем, для меня по крайней мере, господствует сильнейшее желание возможно скорее возвратиться в Москву. Я очень беспокоюсь и о Зое, и о бедном своём внучонке. Беспокоюсь, тоскую и не нахожу себе места. Между тем, отъезд вовсе не так прост, как кажется. Микола ждёт разрешения Хрущёва. Мы с Копыленко готовы прямо лететь на Москву, что, вообще говоря, не исключается, но этого надо добиться.

Кстати, опять дождик, пасмурно, безнадежно. Так что и самолёт сейчас почти несбыточен. Ребята играют в подкидного дурака. У меня фурункул около уха, вчера врач заклеил его марлей с коллодием. Тянет и ноет. Это для полноты картины.

24 октября

Вчера вечером очень мило праздновали день рождения Микола – с патефоном, водкой, песнями. А сегодня снова идиотское ожидание. Девятнадцатый день из Москвы. Тетрадка дневника кончилась и, кажется, незачем сейчас начинать новую.

Украина II

1943

25-е октября

Всё-таки пришлось начать новую тетрадку дневника. Сегодня 20-й день из Москвы, но как будто завтра мы тронемся в обратный путь на машине до Харькова и самолётом на Москву. Причём, тронется кавалькада машин. Хрущёв и его люди тоже едут на Харьков. Это означает, что с Киевом дело всё же затягивается на неопределённое время.

Опять, опять золотая, тёплая осень и ярко-голубое небо, даже пыль вьётся по дороге. Это очень облегчит наше путешествие, только бы продержалась погода. Конечно, мы безбожно засиделись. Если бы не Чернигов и не день на правом берегу Днепра, все эти две с половиной недели были бы пропавшими. Но сейчас, когда они кончаются, жаловаться не на что и не хочется.

Нового не записываю ничего, его и нет. Наш быт сложился и слежался: с обязательным хождением завтракать и обедать, с общим бритьём по утрам, с лежаньем на постелях днём, с подкидным дураком и прочими признаками безделья – самая изнурительная вещь на свете. Я просто безумно хочу в Москву, домой. Представляю себе всё домашнее, привычное и дорогое и среди всего этого Зою как вечную необходимость

моей души. Без неё мне тошно жить на белом свете. Она – покой, милота и свет, дай ей боже здоровья за всё.

И бедный мой внучонок с Кипсой – вот кроме Зои всё, от чего бьётся горячее сердце. С тех пор, как нет Вовочки, приходится склеивать мир из оставшихся осколков. Он был высшим оправданием жизни, смыслом жизни для меня. Теперь осталось дожить кое-как склеенные годы, – сделать это для тех, кто в тебе нуждается, для милых беспомощных существ.

Везу черновики двух очерков: «Немцы на Украине» и «Правый берег». Это всё, что я тут сделал, если не считать уже посланную первую корреспонденцию, которая, кажется, не дошла до «Комсомольской правды» (либо не подошла). Со стихами у меня полный швах и провал. Не только не могу их писать, но даже не хочется: всякий язык кажется приблизительным, бедным, чужим. И рифма и ритм раздражают как условность. Я ничего не могу сказать в стихах такого, что не было сказано до меня тысячу раз.

Ведь это и прежде бывало, что я подолгу не писал стихов, но так катастрофически дело не обстояло никогда. Я знаю или вернее догадываюсь, в чём секрет. В отсутствии перспективы. Это то же самое, что невозможность представить себе, что будет, когда кончится война. Я боюсь этой мысли. Для меня, во всяком случае, ничего не будет. В каком созидании, в каком производстве могу я участвовать? Всё, всё упирается в гибель Вовы.

Как просто и как неожиданно разрешилась сложная история моего существования. Жил очень интересно и одухотворённо, умел увлекаться и служить другим, написал несколько книг, которые полно отражают атмосферу моего духовного мира и моё развитие. И всё, всё перетянула на весах гибель рождённого мною человека. Пока Вова жил и рос на моих глазах, я восхищался им безмерно и болезненно любил его, но никогда не думал, что он – солнце, вокруг которого вертится моя вселенная. Оказалось, что это именно так.

Вот почему можно прикидываться живым, деятельным, заинтересованным в чём-то. Можно увлечься внешними событиями, чужими словами, но стоит вспомнить о главном, и от всего отшвыривает, как сильным током.

28 октября

За эти дни произошло многое. 25-го мы выехали из Гоголева и 25-го же были уже в Полтаве. Среди всех разрушенных городов этот самый страшный. Может быть потому, что в прошлом самый красивый. Его развалины, одна за другой, выглядят как-то особенно безобразно. Хрущёв всё время был рядом с нами. Это милый и сердечный старик. Умеет быть простым, искренне демократичен, это не напускное и даётся ему естественно. Гонка была бешеная.

26-го днём в Харькове. Вчера весь день бродили по городу с Копыленко, а сегодня я пишу это, сидя в комфортабельном кресле дугласа, но летим мы в Москву или нет, ещё не знаю: в Москве дождь со снегом, и пилот ничего нам не отвечает, только хмыкает.

Вчера вечером мы втроём написали письмо Хрущёву. Может быть, ему будет это приятно. Яновский, как выяснилось сегодня утром, ещё остаётся. Этого захотел Хрущёв. Итак, тур близок к завершению. Как всегда бывает, в последнюю минуту стало жалко, что он кончается. Жалко нелепого быта и собственных чувств по поводу происходящего и общих больших надежд, которыми мы жили. Мы видели много, и Брянский фронт ушёл куда-то в туман по сравнению с этой яркой, режущей глаза раной Украины.

Ну вот, заработал мотор, очевидно, мы всё-таки летим. Сейчас 12.30, стало быть часа через 3 будем в Москве, а через три с половиной – дома.

Сейчас 4 часа. Москва нас не приняла из-за тумана. Мы сели под Тулой, в чистом поле. Пасмурно, свистит ветер, довольно холодно. Город отсюда в 4-ёх – 6-ти километрах. Путь на Москву заказан до утра, а может быть, и больше. Положение нелепое. Можно добираться до Тульского вокзала, сесть в поезд, чтобы утром быть в Москве (поезд, кажется, в 9 ч. вечера). Можно выйти на шоссе и голосовать – авось, какая-нибудь машина посадит. Можно, наконец, ночевать здесь в самолёте, благо он пассажирский с мягкими креслами, перенести как-нибудь неминуемый холод. Самое глупое то, что мы с Сашей Копыленко совсем без еды, даже без куска хлеба. Только табак у нас в избытке. Ночью Микола говорил с Ниной по телефону, так что Зоя знает, что я вылетел. Представляю себе, как она беспокоится.

Это ещё ничего! Путешествие Леонида оказалось похлеще. Он выехал тогда на Харьков в своей машине. Она раза три в дороге приказывала долго жить, и её ремонтировали. Наконец, доползла до Харькова и пошла дальше. Под Белгородом произошла окончательная авария – столкновение с чем-то вроде грузового ЗиСа. В результате шофёр в госпитале, а Леонид полетел из Харькова в Москву только третьего дня.

Кажется, едем до Москвы поездом.

6 июля 1944

Любимый мой друг!

Два года тому назад был такой же светлый день на берегу речки Рессета. И это был последний день твоей жизни.

В тот день вы закончили двухсоткилометровый марш. Во время марша на отдых полагалось по 4 часа в сутки. Спали на голой земле. Ели на ходу. Форсировали реку.

Тебе было указано остаться где-то в резерве, в тылу. Ты не захотел отстать от товарищей и оказался рядом с ними на переднем крае. Немцы вели шквальный, стелющийся по земле огонь. Ты был в траншее, корректировал огонь своего орудия. Один из бойцов был ранен. Ты кинулся к нему. Тотчас же разрывная пуля пробилла твою верхнюю губу и разорвалась во рту. Твоему товарищу, тоже младшему лейтенанту, доложили о том, что «Антокольский убит». Ползком добрался он к тебе. Ты сидел, обняв автомат и уткнувши голову в колени. Он приподнял твою голову. Лицо не было обезображено за исключением маленького входного отверстия над верхней губой. Рот был полон крови и искрошенных зубов. Выходного отверстия сзади не было. Пуля разорвалась в голове, в носоглотке. Ещё горячий, с гибкими живыми мускулами, ещё не потеряв живого смуглого румянца, ты был мёртв. Вечером тебя похоронили. Говорят, что уже с пульей в голове ты успел выкрикнуть какое-то слово. Лейтенант забыл, какое. Думает, что «огонь!»

Ты ничего не увидел в жизни, кроме счастливого пёстрого детства и несчастной, трудной, подло оборванной юности, которая сразу навалилась на тебя – войной, мобилизацией, дальними расстояниями, тоской, одиночеством, лихорадочно быстрым возмужанием.

Но твоя жизнь продолжается. Безумно, горько, безнадежно продолжается.

Через поэму тебя узнали и полюбили десятки тысяч людей: отцов, матерей, сыновей и девушек.

Ты будешь рядом со мною до последнего смертного часа.

Всё, что я делаю, и всё, что сделаю ещё, посвящено тебе.

Друг мой, солнышко моё, дорогой мой голубчик Вова, не покидай меня.

13 июля 1944

Нет исхода чёрной тоске – как будто ты жив и стучишься ко мне горячими, сильными руками, и не могу я, никак не могу открыть тебе двери. И всю жизнь, все эти годы ты жадно хочешь вернуться и досказать, дожить, долюбить, дорасти всё, что тебе положено, и нет этому конца, нет исхода, и пройдёт ещё десять или сто лет, всё останется, как было: ты, молодой, полный сил и надежд, полный права на жизнь, любовь и счастье, обнявший в последнюю минуту воронённый автомат, на дне траншеи, уткнувший голову в колени. Ничего не кончилось – ни жизнь, ни смерть, ни любовь, ни обида, ни горе. Тебе – нет конца.

Комментарии

¹ Антокольский Владимир Павлович (1923-1942), младший лейтенант, командир огневого взвода 45-й батареи 1130-ого стрелкового полка 336-ой стрелковой дивизии, погиб на берегу реки Рессета (приток Жиздры), в 700 метрах восточнее дер. Сусея в Орловской области. Это произошло во время наступательной операции 10-й, 16-й и 61-й армий Западного фронта на Брянском направлении против 2-ой немецкой танковой армии.

² Пастернак Борис Леонидович (1890-1960) – прозаик, поэт, переводчик. Итогом описываемой П.Г.А. поездки на фронт в качестве военного корреспондента стали для него два очерка «Освобождённый город» и «Поездка в армию», а также стихи «Смерть сапёра», «Преследование», «Зарево», «Ожившая фреска» и «Разведчики». Об этой поездке на Брянский фронт Пастернак вспоминает в своей книге «Воздушные пути». См. *В боях за Орёл. Писатели-фронтовики об Орловской битве: библиографические очерки. Сост. Е.Г.Аболмазова. Орёл, 2015. С.с. 25-27.* <http://www.prishvinka.ru/450/mbm/pisатели.pdf>

³ Федин Константин Александрович (1892-1977) – прозаик. Итог поездки – изображённая им картина освобождения Орловского плацдарма в большом цикле очерков «Несколько населенных пунктов» («Освобождённая Орловщина»), опубликованных в журнале «Знамя» в ноябре-декабре 1943 года. См. там же. *С.с.121-123.*

⁴ Иванов Всеволод Вячеславович (1895-1963) – прозаик, драматург. Итог поездки – цикл посвящённых войне рассказов «На Курской дуге». См. там же. *С.с. 16-17.*

⁵ Симонов Константин Михайлович (имя при рожд. Кирилл, 1915-1979) – писатель, поэт, киносценарист, журналист, общественный деятель; ученик П.Г.А. Побывал на всех фронтах ВОВ: собств. кор. газет «Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда» и нек. др. Итогом его работы на Орловско-Курской дуге стало множество газетных очерков и рассказ «Пехотинцы». Его «Песенка военных корреспондентов», стихотворение «Жди меня» и репортажи с фронта сделали его легендой ВОВ. См. там же. *С.с. 35-37.*

⁶ Валентина Васильевна Серова (1919-1975) – актриса театра и кино; жена К.М.Симонова (1943-1957), которой посвящено стих-е «Жди меня» (1941).

⁷ Серафимович Александр Серафимович (фамилия при рожд. Попов, 1863-1949) – прозаик. Участник Первой мировой войны (военкор «Русских ведомостей») и ВОВ. Лауреат Сталинской премии (1943).

⁸ Азарх Раиса Моисеевна (1897-1971) – медик, писательница, очеркист. В годы ВОВ – военкор многих газет.

⁹ Островская Раиса Порфирьевна (1906-1992) – засл. деятель культуры РСФСР; жена писателя Николая Алексеевича Островского (1904-1936), автор книги о нем из серии «Жизнь замечательных людей», дир. музея его имени. См. *Павка Корчагин на фронтах Отечественной войны. Независимая народная газета «Советская Россия». 12 февраля 2015 г.* <http://sovross.ru/articles/1186/20565>

¹⁰ Для П.Г.А. итогом этой поездки на фронт стали очерки «Освобождённый город» и «Поездка в армию», а также стихи «В районе Жиздры», «Правый берег Днепра» и др., впоследствии неоднократно публиковавшиеся как в поэтических антологиях, так и в авторских сборниках поэта. См. *Павел Антокольский. Стихотворения и поэмы. Большая серия Библиотеки поэта. Ленинградское отделение. 1982. С.с.189, 196-198.*

¹¹ Трегуб Семён Адольфович (1907-1975) – критик, переводчик, публицист; зам. зав. отделом литературы и искусства газеты «Правда» (конец 1930-х); специалист по творчеству В.В.Маяковского и Н.А.Островского.

¹² Орловская стратегическая операция «Кутузов» проводилась с 12 июля по 18 августа 1943 года во время Курской битвы с целью разгрома немецких войск под г. Орлом. С поражением немцев рухнули планы немецкого командования по использованию орловского плацдарма для удара и продвижения в восточном направлении. Итогом операции стало освобождение городов Орла, Крома, Мценска, Карачева, Жиздры.

¹³ Данин Даниил Семёнович (фамилия при рожд. Плотке, 1914-2000) – прозаик, сценарист, критик, популяризатор науки. Во время ВОВ – лит. сотрудник армейских газет. П.Г.А. был среди писателей, подписавших заявление Д.С.Данина в Союз писателей (1942). Во время кампании космополитизма Д.С.Данин, как и П.Г.А., был обвинен в «буржуазном эстетизме» и «формализме» (1949).

¹⁴ Бажан Николай Платонович (1904-1983) – украинский поэт, переводчик, публицист, культуролог, общественный деятель; друг П.Г.А..

¹⁵ Яновский Юрий Иванович (1902-1954) – украинский прозаик и драматург. Глав. ред. журнала «Украинская литература» (с 1939). Участвовал в Нюрнбергском процессе («Письма из Нюрнберга», 1946). За роман «Живая вода» (1947), посвященный войне и послевоенному восстановлению, был подвергнут травле и гонениям со стороны первого секретаря ЦК КП(б) Л.М.Кагановича.

¹⁶ Копыленко Александр Иванович (1900-1958) – прозаик, поэт, критик; автор популярных книг для детей и юношества. Во время ВОВ работал на радиостанции «Советская Украина», ведущей передачи для партизан и населения временно оккупированных районов Украины.

¹⁷ Хрущёв Никита Сергеевич (1894-1971) – советский государственный деятель, первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964). В годы ВОВ был членом военных советов Юго-Западного направления, Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов.

¹⁸ Дерегус Михаил Гордеевич (1904-1997) – украинский график и живописец, иллюстрировавший произведения украинских классиков.

¹⁹ Леонид Первомайский (имя при рожд. Гуревич Илья Шлёмович, 1908-1973) – украинский поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик; друг П.Г.А.. В годы ВОВ – военкор радиовещания Юго-Западного и Донского фронтов и газеты «Правда». Сб. стихов «День рождения» и «Земля» (1944) были отмечены Сталинской премией второй степени.

²⁰ Долматовский Евгений Аронович (1915-1994) – поэт; ученик П.Г.А. Военкор в действующих частях Советской армии, в том числе, в Сталинграде (1939–1945). Автор известных песен о ВОВ: «Любимый город», «Офицерский вальс» и др.; автор сценария документального фильма «Поэма о сталинградцах» (реж. В.К.Магатаев) (1987).